

«Заткнись! Ты, черт побери, заткнись!»

В сознание Лин Цюна словно раскалённый нож воткнулся пронзительный женский голос, визгливый, как истерика перепуганной курицы.

Его разум был в полном беспорядке, пустой, лишённый мыслей. Хотя он не хотел этого признавать, Лин Цюн прекрасно понимал: после того, как он проиграл собаке в битве за украденную булочку, он умер от голода на улице.

Почему он оказался здесь — он не знал. Его взгляд рассеянно метался по комнате.

Сознание наполнялось смятением, когда он окидывал взглядом окружающее. Интерьер сиял ослепительным белым великолепием, всё вокруг поражало роскошью: даже каменные колонны были изукрашены замысловатыми резными узорами. Такое непомерное богатство Лин Цюн не видел никогда в жизни, но это точно не было небом.

В этот момент в роскошном зале стояли три или четыре человека. Их было немного, но лица... Лица их были мрачны и злы, чёрные, как закопчённое дно казана, не мытого уже три дня, готовые в любой момент накинуться на него и избить.

Его ошарашенный взгляд скользил по комнате, а тело начало двигаться само по себе.

Лин Цюн: !!

Что происходит?!

— Что? Я что-то не то сказал или задел за живое? Если он не калека, то кто он тогда? — маленький рот Лин Цюна открывался и закрывался сам собой, и слова срывались с губ, словно из болтливового ящика, который никак не закрыть.

Люди в комнате глядели на него с такой яростью, что, казалось, вот-вот набросятся. Среди них был один человек с поразительно утончённым, изящным лицом. На первый взгляд он не бросался в глаза, но чем дольше смотришь, тем сильнее его красота завораживала. Особенно в тот миг, когда он опускал глаза — тогда в нём рождалась какая-то невольная жалость.

Но именно это, на вид безобидное лицо, извергало слова острые, как лезвие ножа.

Лин Цюн заметил подавленные, мрачные выражения лиц вокруг. За исключением одной женщины, все остальные стояли перед ним, словно живая стена — мощные, широкоплечие фигуры, внушающие страх.

Хотя Лин Цюн пытался сохранить видимость храбрости, на самом деле его ноги предательски дрожали. Если бы кто-то сейчас захотел ударить его, одного удара хватило бы, чтобы покончить с ним.

Он отчаянно пытался закрыть рот, но его тело полностью перестало ему подчиняться.

Невидимая сила сковала его движения, превращая в послушную марионетку на нитях.

Пока он тщетно старался вернуть себе контроль над телом, в его сознание вдруг хлынул поток чужих, незнакомых воспоминаний, захлестнув его, как цунами.

В голове всплыла абсурдная догадка — даже Лин Цюн, который в прошлой жизни рисковал шкурой, воруя еду у собак, ахнул от изумления.

Он перенёсся в роман о доминирующем президенте, который читал раньше...

Но Лин Цюна с детства преследовали несчастья, и, конечно, вместо того чтобы стать каким-нибудь блистательным, властным СЕО, который сорит деньгами направо и налево, он переродился... в пушечное мясо, мужа-неудачника злодея.

Лин Цюн застыл, как испуганная птица, сердце бешено закружилось, а в голове воцарилась пустота.

Это же сон, да? Всё это просто сон...

Его взгляд невольно упал на мрачного мужчину в инвалидной коляске — Фу Синьюня, главного антагониста романа о властном президенте. Настоящий злодей, мастер интриг, жестокий и безжалостный, хитрый и слегка безумный. Когда он становился опасным, он не щадил даже собственного отца... не говоря уже о своём муже, который с самого начала замышлял недоброе.

Фу Синьюнь был самым страшным персонажем этой книги. Даже главный герой в финале не мог с ним сравниться. Если бы не безумие, которое в конце его погубило, кто знает, кто бы стал настоящим победителем этой истории...

Муж-пушечное мясо, в которого теперь вселился Лин Цюн, носил то же имя и фамилию, что и он, но одного только титула «пушечное мясо» хватало, чтобы понять: жить ему осталось недолго.

В книге Лин Цюн женился на злодее ради денег, но при этом терпеть его не мог и постоянно жаловался на своего «психопата» мужа. И в мире книги, и за её пределами он мастерски наступал на все больные мозоли окружающих. На самой свадьбе он устроил классическую сцену «сбежавшего жениха», а после брака постоянно испытывал судьбу — подавал мужу испорченную еду, открыто изменял ему и выставлял напоказ свою измену. Он олицетворял собой само понятие «самоубийственная глупость» во всей красе.

Когда злодей брал ситуацию в свои руки, первым, кто погибал, был именно он.

Одна мысль о том, как муж-пушечное мясо в итоге утонул в море, заставила Лин Цюна покрыться холодным потом.

Злодей был безумен; злодей жаждал крови.

Можно было оскорбить кого угодно — но не Фу Синьюня.

Однако в следующий момент Лин Цюн с ужасом наблюдал, как его собственная рука самовольно вскидывается в вызывающем жесте, дерзко указывая пальцем на сидящего в инвалидной коляске Фу Синьюня.

Лин Цюн:

Аааааа!!

Худощавый, бледный палец молодого человека лениво указывал на мужчину в коляске, кончик пальца чуть поник — поза словно говорила о снисходящем превосходстве.

Его слова сочлились ядовитой насмешкой:

— Ты всё твердишь, что я цепляюсь за богатых и влиятельных, хочу выслужиться... Так посмотри на себя — ни живой, ни мёртвый. Тут уж ясно, кому стоит пересмотреть своё представление о реальности. Я не поднимаюсь по чужим лестницам, я снисхожу до твоего уровня...

Не успел он договорить, как мужчина, стоявший рядом с Фу Синьюнем, схватил его за воротник:

— Лин Цюн, сукин ты сын! Не перегибай! Не забывай, что твоя семейка сама ползала на коленях и умоляла о браке, словно внуки перед дедом!

В сознании Лин Цюна бешено звучал безмолвный крик: Нет! Не надо!

Лин Цюн:

— Думаешь, мне это было нужно? Думаешь, мне есть до этого дело?! — спокойно умирает

На лице юноши расплзлась злобная ухмылка — обычно невинное, красивое лицо теперь выглядело пугающе в сочетании с этим мрачным выражением. Он скользнул взглядом по мужчине в коляске:

— Старый и сумасшедший, парализован ниже пояса. Там всё, наверное, давно отмерло. Какой же ты теперь мужчина?

— Ты, ублюдок...! — мужчина, сжимавший ворот Лин Цюна, стиснул кулаки, на миг потеряв дар речи от ярости.

Стоило этим словам прозвучать, как температура в комнате мгновенно упала до минусовой.

Какая жестокость!

Даже сам Лин Цюн невольно отпрянул от яда, который извергал его собственный рот.

Фу Синьюнь смотрел на дерзкого Лин Цюна так, словно перед ним уже был мертвец. Его глаза — чёрные, как обсидиан, — оставались безразличными, лишёнными всяких эмоций. Они напоминали тёмное, бездонное озеро, чья гладь неподвижна и пугающе глубока.

Высокомерный юноша повернулся боком, чтобы встретить его взгляд, глаза полные вызова.

— Думаешь, я возненавижу тебя из-за этого? Нет! Я только ещё сильнее полюблю тебя.

Фу Синьюнь: ?

Все в комнате: ???

Как будто боясь, что кто-то не расслышал, Лин Цюн поднял голос и снова заявил Фу Синьюню:

— Я люблю тебя.

Отношение юноши в одно мгновение изменилось на полные 180 градусов, ошеломив всех вокруг.

В комнате повисла гробовая тишина.

Шок, подозрение, недоверие...

На миг все всерьёз задумались, что за новый трюк задумал Лин Цюн.

Лин Цюн заметил сжатые до побелевших костяшек пальцев кулаки мужчины перед собой, и сердце у него упало. Он уже мысленно подготовился произносить последние слова... но вдруг понял, что снова может двигаться.

Ли Ханьян яростно рванул Лин Цюна за ворот, подтягивая его вверх с грубой силой, голос его кипел гневом:

— Какую игру ты теперь затеял, а?!

Лин Цюн был не из низких, но по сравнению с Ли Ханьяном — здоровяком ростом метр девяносто пять, крепким, как чёрный медведь, — он всё равно уступал ему больше десяти сантиметров.

Неожиданно взлетев в воздух, его обутые в чёрную кожу ноги отчаянно пытались найти опору — он с трудом удерживал равновесие, и казалось, что ещё чуть-чуть, и он пустится в вальс.

На цыпочках, изящные шаги...

Лин Цюн судорожно сглотнул, глядя на медвежьего вида мужчину перед собой, который, казалось, вот-вот врежет ему.

— Ну что за игру я могу тут затевать? Я просто выражаю ему свою любовь, — сказал он, бросив быстрый взгляд в сторону Фу Синьюня, а затем застенчиво опустив голову.

Ли Ханьян: ...

Даже профессиональные актёры не умели так мастерски менять маски.

Заметив, что внимание оппонента чуть рассеялось, Лин Цюн быстро поднял руку, пытаясь высвободить измятый воротник из медвежьей лапы Ли Ханьяна.

Его ноги, казалось, могли бы сейчас исполнить балетное па.

Ли Ханьян резко втянул воздух сквозь зубы, явно испытывая отвращение от его слов.

Однако Лин Цюн стоял как ни в чём не бывало — спина прямая, лицо спокойное, сердце ровное, ни тени раскаяния. Более того, он с самым серьёзным видом продолжал настаивать, не моргнув глазом:

— Хотя у него много недостатков, я всё равно люблю его. Именно эти самые недостатки ещё больше терзают моё сердце.

Лин Цюн украдкой бросил взгляд на сидящего в инвалидной коляске Фу Синьюня, чьё непроницаемое выражение, казалось, содержало в себе ключ к его спасению — словно именно сейчас решалась его судьба: быть избитым или нет.

Мой сын возмужал, его сила способна сдвигать горы и реки, и нет ему равных в этом мире...

— Чушь! — рявкнул Ли Ханьян. — Ты кого пытаешься обмануть этой тошнотворной речью? Да ты, похоже, и жениться-то не собираешься!

— Если бы я не хотел жениться, я бы сюда не пришёл.

...

В этом что-то было.

Хотя слова Лин Цюна звучали правдоподобно, никто в комнате не воспринял их всерьёз. В памяти у всех всё ещё свежо стояло его недавнее отвратительное поведение. Никто не мог понять, почему его отношение вдруг так резко изменилось, но все были уверены в одном: его намерения по-прежнему гнилые.

Под тяжестью пристальных взглядов Лин Цюн внезапно подумал, что умирать с голоду, отбивая у собак объедки, было куда приятнее, чем оказаться здесь.

Пока все молча переглядывались, снаружи вдруг раздался стук и звонкое «дань-дань»:

— Синьюнь, ты уже поговорил с Сяо Цюном? Свадьба вот-вот начнётся, тётя хочет ещё кое-что сказать Сяо Цюну.

Голос за дверью прозвучал для него, как луч света с небес. О, Господи, спасибо!

Лин Цюн вцепился в этот спасательный круг, словно утопающий за соломинку:

— У меня ещё есть дела, извините, я пойду.

С этими словами он буквально вылетел к двери, как птичка, выпорхнувшая из клетки, и не забыл напоследок бросить застенчивую улыбку в сторону Фу Синьюня.

Фу Синьюнь:

Лин Цюн распахнул дверь и увидел перед собой мачеху своего прежнего тела.

Хотя та только что вежливо упомянула, что хочет поговорить, Лин Цюн — человек, который носил то же имя, что и пушечное мясо из романа, и который уже выучил весь сюжет наизусть, — прекрасно знал, зачем она пришла на самом деле.

Она пришла, чтобы предупредить его.

Как только дверь за ними закрылась, лицо женщины, только что приветливое, мгновенно посерело, стало холодным и жёстким.

Лин Цюн:

Даже копилка не вместила бы столько лиц, сколько ты сменить умеешь.

Они вошли в гостевую комнату, где Лин Цюн должен был отдыхать. Чэнь Хань уставилась на него, и в её голосе зазвенели ледяные ноты предупреждения:

— Этот брак с семьёй Фу жизненно важен для компании твоего отца. Считаю, что это благословение, которое ты заслужил в прошлой жизни. Забудь о своих кривых мыслях — хочешь ты того или нет, но сегодня ты женишься.

Выйти замуж за убийцу, который глазом не моргнёт, совершая расправу — ты бы назвал это благословением?

Чэнь Хань подняла взгляд на Лин Цюна, и в её глазах плескалось нескрываемое отвращение. С того самого дня, как она вышла замуж за отца Лин Цюна и поднялась по семейной лестнице, этот мальчишка вызывал у неё лишь раздражение. Естественно, дома они никогда не ладили. Их постоянные стычки были терпимы только потому, что Лин Цюн оказался пустым и бесполезным, совершенно не представляя для неё угрозы.

Она ловко подтолкнула его к согласию на брак с семьёй Фу, умело утаив все неприятные детали. Всё уже было решено и подписано, пока он внезапно не заявил неделю назад, что передумал и больше не хочет жениться.

Но свадьба была назначена. Обратного пути не было. Его мнение больше ничего не значило.

Отдав последний приказ, Чэнь Хань повернулась, чтобы уйти, цокая каблуками. Однако, едва дёрнув за дверную ручку, она резко обернулась.

В прошлом такой тон непременно бы заставил Лин Цюна взъерепениться и полезть в спор. Но сейчас... всё было иначе.

— Ты ведь не думаешь сбежать, да?

В голове Лин Цюна пронеслись все маршруты побега из оригинального романа: ...

— Конечно нет. Как можно такое подумать? — поспешно выпалил он.

Лишь тогда Чэнь Хань вышла в коридор, оставив за собой лёгкий шлейф белых роз. Тихий коридор был украшен чистыми и торжественными белыми розами, их стебли соединялись между собой дорогими лентами — всё выглядело роскошно, романтично, безупречно.

Хлоп!

Одна из дверей в коридоре внезапно открылась — и тут же с грохотом захлопнулась.

В следующий миг белое пятно метнулось по коридору, как дикий кабан, вырывающийся из чащи.

Кто не бежит — тот идиот!!

<http://bllate.org/book/12640/1121086>